

**ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЕЗУИТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ В РОССИИ:
ПЕТЕРБУРГ (1801–1815) И ПОВОЛЖЬЕ**

Вторая попытка иезуитов внести свою лепту в школьное дело в Российской Империи оказалась куда плодотворнее первой. На сей раз важнейшим центром образовательной деятельности Общества Иисуса на территории нынешней России, чрезвычайно важным и влиятельным, стала коллегия в Санкт-Петербурге. Своим возникновением она была обязана инициативе Генерального настоятеля Общества Иисуса, Габриэля Грубера, возглавлявшего Орден с 1802 г., а также благосклонной поддержке русских монархов: Екатерины II, её сына Павла I, а затем Александра I (в начале его царствования).

После своего избрания Генералом Ордена Грубер перенёс резиденцию из Полоцка в Петербург. Там он и погиб вследствие пожара в ночь с 25 на 26 марта (с 6 на 7 апреля) 1805 г. в возрасте 62 лет. Новый Генерал, Тадеуш Бжозовский, прибыл в Петербург 25 октября / 6 ноября 1805 г. Он застал Орден в состоянии расцвета и руководил его деятельностью из Петербурга вплоть до изгнания иезуитов из столицы Российской империи.

В октябре 1800 г. вышел указ императора Павла I, поручавший иезуитам дело образования в западных провинциях Империи и вместе с тем разрешавший им открыть свои школы при столичной церкви св. Екатерины. Последняя была построена по проекту французского архитектора Жана-Батиста Валлена Деламота († 1800 г.). Церковь, строительство которой затянулось на двадцать лет, впоследствии была передана иезуитам: в 1800 г. её настоятелем был назначен о. Грубер.

Через несколько недель после выхода указа Павла I, четверо иезуитов прибыли в Петербург, поступив под начало о. Габриэля Грубера; в начале следующего года приехали ещё пятеро их собратьев. Одной из главных задач, стоявших тогда перед ними, было открытие учебного заведения, ставшего впоследствии Благородной коллегией.

Но сначала при церкви была открыта школа для детей из среднего сословия (1 / 13 февраля 1801 г.). Через три месяца в ней насчитывалось около тридцати учеников (в последующие годы в школе обучалось 200 человек).

Школа была бесплатной, и потому поначалу её посещали в основном дети католиков, не имевших возможности нанять домашнего учителя. Но учиться в ней могли и не-католики. Расписание дня и программа учебных занятий в школе были теми же, что и во всех коллегиях Общества Иисуса в Белоруссии. На протяжении шести лет обучения в ней преподавались различные предметы: от начатков русского и латинского языков вплоть до философии и теологии.

Через два года после открытия школы (1 / 13 января 1803 г.) на Екатерининском канале (ныне Канал Грибоедова, дом 8) открылся иезуитский пансион (конвикт) для детей из аристократических русских семей. В конце 1803 г. в пансионе насчитывалось 24 воспитанника. В 1806 г. пансион был преобразован в Благородную коллегию (Collegium Nobilium). На протяжении всего существования коллегии неизменным ректором её был о. Анджей Чиж (1763 -- 1816 гг.) — человек, о котором с благодарностью вспоминали впоследствии многие бывшие воспитанники коллегии (см. об этом ниже).

Возрастной ценз приёма в пансион ограничивался 7–12 годами. Годовая плата за пансион составляла 1000 рублей, учебный год начинался 1 сентября и завершался в конце июля. В течение этого последнего месяца воспитанникам предлагалось испытание (экзамен), на котором они отчитывались в своих знаниях.

С 1807 г. Благородная коллегия располагала собственным преподавательским составом и собственной учебной программой, окончательный вариант которой был принят в 1807 г. В первой статье программы говорилось:

«Вера и мораль суть неколебимые основы всякого правительства и общества, и именно потому они суть также основная цель христианского воспитания. Евангелие — первая книга, которую люди должны знать с самого начала, и на нём в основном строится весь труд воспитанников этой коллегии».

В коллегии всегда насчитывалось от 60 до 70 пансионеров, происходивших из знатнейших русских семей. Обучение длилось шесть лет, причём предусматривалась возможность пополнить образование изучением философии и теологии в седьмом классе. Программа обучения была широкой, и значительная часть её посвящалась разговорным языкам, прежде всего французскому. За нравственным воспитанием учеников следили очень пристально. Православная молодёжь слушала лекции по катехизису,

читавшиеся православным священником, участвовала в богослужениях в православных храмах.

Петербургская иезуитская коллегия оставила свой след в русской поэзии: с ней так или иначе связаны имена двух русских поэтов -- А. С. Пушкина и П. А. Вяземского. Правда, жизнь первого из них прошла вне стен коллегии, оставшейся для поэта лишь неосуществлённой возможностью; зато Вяземский вспоминал о годах, проведённых в коллегии, с неизменной теплотой.

Петербургская Благородная коллегия снискала себе громкую славу среди российских дворянских семей. Высокий уровень образования и воспитания, хорошие условия содержания, веротерпимость и общая «европейскость» всего жизненного уклада — всё это производило неизгладимое впечатление в то время, когда, по словам Вяземского, «о русских наставниках и думать было нечего... И надобно было ловить иностранцев наудачу». Неудивительно поэтому, что родители А. С. Пушкина ездили в Петербург для переговоров с руководством коллегии, намереваясь определить туда своего сына. В «Программе <автобиографических> записок» Пушкина есть запись за 1811 г.:

«Меня везут в Петербург. Езуиты. <...>. Лицей».

Однако вскоре стало известно об открытии Царскосельского Лицея, и планы родителей Пушкина в корне изменились.

А вот П. А. Вяземскому довелось стать воспитанником иезуитской коллегии. В своих «Записных книжках» постаревший поэт отводит несколько страниц воспоминаниям об этих годах. Вот его отзыв о преподавателях коллегии:

«...Иезуиты, начиная от ректора, патера Чижа, были — по крайней мере, в моё или наше время — просвещённые, внимательные и добросовестные наставники. Уровень преподавания их был возвышен. Желавшие учиться хорошо и основательно имели все способы к тому и хорошо обучались <...>. Обращение наставников с воспитанниками было не излишне строгое: более родительское, семейное. Допускалась некоторая свобода мнений и речи».

Особым образом отмечает Вяземский атмосферу веротерпимости, царившую в стенах коллегии: по его словам, здесь никогда не предпринимались попытки внушить ученикам идею о превосходстве Римской Церкви над Православной. <...> С воспитанниками обоих вероисповеданий

обращались совершенно одинаково. Паписты не пользовались перед нами никакими прерогативами и льготами. В костёл нас не водили. По воскресеньям и праздничным дням бывали мы в русской церкви. Великим постом мы говели как следует.

Хотя преподавание велось в основном по-французски, «литература, особенно русская, была не чужда этому кружку. <...> Всё это, -- вспоминал поэт, -- пробуждало мои литературные наклонности».

Но самые тёплые воспоминания связаны у Вяземского с фигурой о. Анджея Чижа, который «особенно любил и как-то отмечал» смышлёного мальчика и даже водил его гулять в Летний Сад, как французский гувернёр — юного Онегина. В «Послании к Дмитрию Петровичу Северину» (товарищу П. А. Вяземского и его соученику по коллегии), написанном уже в 1861 г., поэт вспоминал:

Детьми нас патер Чиж лелеял в черной клетке,
Но мы, беспечные, как соловьи на ветке,
Встречали песнями весну своих годов.
Любили мирный свой иезуитский кров;
Там жизни внутренней рассвет наш и начало,
Там оперилась мысль, там чувство чувством стало,
Из просвещенных рук наставников-друзей
Запали в нашу грудь, на жатву поздних дней,
Зародыши добра и любознания семя.
Счастливые года! Безоблачное время.

Обучаясь впоследствии в пансионе при педагогическом институте, Вяземский имел возможность сравнить два разных учебных заведения. Он отмечал: «Учебный и умственный уровень заведения (т. е. пансиона при пединституте) был вообще ниже иезуитского как по отношению к преподавателям, так и в отношении к ученикам».

В последний год пребывания иезуитов в Петербурге (1814 / 1815) их насчитывалось 27: 20 отцов, 5 схоластиков и 2 брата-коадьютора. Их присутствие и деятельность в Петербурге значительно повлияли на столичное общество. Их церковь и их учебные заведения притягивали к себе самые

разнообразные круги; и прежде всего именно школы позволили иезуитам завязать крепкие и длительные отношения с русской аристократией. Дневник коллегии, с крайней пунктуальностью регистрирующий визиты, нанесённые отцами вне стен коллегии, отмечает также имена важных персон, которые их посещали. Неоспоримое влияние иезуитов на петербургский высший свет приведёт в дальнейшем к расколу в этом самом обществе: на тех, кто благосклонно относился к иезуитам, и на их противников.

Однако столицей Российской Империи педагогическая деятельность иезуитов не исчерпывалась. В некоторых миссиях, прежде всего в Среднем и Нижнем Поволжье, действовали начальные школы, руководимые членами Общества Иисуса. Всего в 1796 г. в иезуитских школах в России обучались бесплатно 726 воспитанников, а в 1815 — около двух тысяч.

Прежде всего, коллегия иезуитов могла бы открыться и в первопрестольной. В начале 1813 г. губернатор Москвы, граф Ф. В. Ростопчин (1763–1826), просил Генерального настоятеля Общества, Тадеуша Бжозовского (1749-1820), открыть в старой столице Благородную коллегия по образцу петербургской. С той же просьбой обращались к Бжозовскому французская и немецкая общины. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться из-за враждебного отношения митрополита Католической Церкви в России Станислава Сестренцевича (1731-1826), а также из-за неспособности и нерешительности самого Бжозовского.

Особую страницу представляет деятельность иезуитов среди немецких переселенцев в Среднем Поволжье. Католические немецкие колонии появились там после Манифеста Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» от 22 июля 1762 г. В 1763–1769 гг. в Россию прибыло около 27 тысяч переселенцев из Европы, 8–10 тысяч из которых были католиками. Значительная часть прибывших в Россию немцев была направлена в Поволжье. Около 32% первых поволжских колонистов-немцев были католиками (примерно 2,5 тысяч семей из 7 750 семей). В 1760-х гг. на правом и левом берегах Волги возникло 104 колонии, из них 31 была католической. Со временем в этих колониях было учреждено девять католических приходов.

В 1803 г. в Саратов, где была основана целая Немецкая слобода, прибыла миссия иезуитов из 10 священников во главе с о. Алоизом Ландесом (1767–

1844). Члены миссии разъехались по различным поселениям немцев-колонистов, где многие из них преподавали в церковных школах.

В самых низовьях Волги, в Астрахани, с 1805 по 1820 г. также действовала миссия иезуитов из нескольких европейских стран. Обращена она была прежде всего к армянам-католикам, но также к проживавшим в городе полякам, немцам и французам. В 1807 г. в приходе при церкви Вознесения были открыты католическая школа и частный пансион. Под руководством о. Марка Фурнье, преподаватели-миряне обучали детей языкам (русскому, французскому, немецкому), математике, геометрии, географии, истории. Это было лучшее на то время учебное заведение в Астрахани. Однако учеников было немного: на 1813 г. — всего десять человек.

Астраханская школа разделила судьбу остальных иезуитских миссий в Российской империи: она прекратила своё существование с изгнанием иезуитов из державы (1820 г.). На этом закончился второй большой этап истории взаимоотношений Общества Иисуса и России. Из вышеизложенного видно, что на этом этапе иезуитам удалось добиться гораздо большего, чем на предыдущем. Во всяком случае, это касается, прежде всего, деятельности Петербургской Благородной коллегии, оставившей заметный след в памяти некоторого числа наших знаменитых соотечественников.